

An illustration at the top of the page shows a red house with a grey roof and a chimney, situated on a green hill. To the left of the house, a black and white cow is depicted. The background is a light, hazy sky.

Лина Тронченко
Дела стоящие
и суета
на побегушках

An illustration at the bottom of the page shows a girl in a red dress standing on the left, a boy in a red tank top running with his arms outstretched in the center, and a large red rooster on the right. The background is a green landscape.

сборник рассказов

Нина Пронченко
Дела стоящие и суета
на побегушках.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35001558

ISBN 9785449304773

Аннотация

Внуку моему Тимофею с любовью. Чудесное детство твое помню как свою радость и награду. Хочу, чтобы всем детям, кто прочтёт эту книжку, стало весело.

Содержание

Пустяки! Дело житейское!	5
Дела стоящие и суета на побегушках	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Дела стоящие и суета
на побегушках
Сборник рассказов**

Нина Пронченко

Редактор Тимофей Александрович Пронченко

Иллюстратор Е. Мешков

© Нина Пронченко, 2018

© Е. Мешков, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0477-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пустяки! Дело житейское!

Рассказ

На всей нижней половине дома Филипп был один. Старшие братья—в школе, мама и младшая сестрёнка, четырёхлетняя Юнка, убрали спальни наверху. Из интересного сейчас было только то, что перед дверью заднего крыльца хлопал крыльями и громко квохтался петух. Тощий, на длинных ногах. Бестолковый и презлющий: благодарности ни к кому не чувствовал! Малюсенькая и невзрачная голова его гордо торчала на общипанной длинной шее. Совсем недавно петух клюнул в ногу брата Юру, да так крепко, что когда мама мазала ранку зеленкой, в сердцах обещалась сварить суп из злодея, а себе завести нового. Безмозглая птица не раскалась и, если открыть дверь, петух сразу полезет на рожон. Филипп подумал и закрыл дверь защелкой. Тут сам собою выключился свет! В узком коридоре между домом и баней, воцарилась тьма кромешная.

Но если приглядеться и найти дверь в кладовку, дальше можно не беспокоиться: там было верхнее окошко! Филипп нащупал ручку, дверь отворилась. Два деревянных шкафа, до отказа набитые добром, которое жалко выбросить, хранили много интересного. Он выбрал полку повыше и потянул к себе узкую коробку, совсем новую, попавшую сюда, ско-

рее всего, по ошибке. Коробка, как карандаши, выдвигалась в оба конца. Внутренности её выскочили из обложки и рассыпались по полу. Это были металлические тюбики с разноцветными головками. Он поднял тот, что был с зеленой, открутил, и из тюбика сама собою полезла зеленая змейка, что-то вроде зубной пасты. Пахло приятно.

Мазнул один палец, потом другой. Открутил оранжевую головку и тоже мазнул.

Краски! Да такие «классные», что им и воды не надо! Они и без воды чудесно красились! Сначала Филипп разрисовал только ладошки, потом дошел до локтей, и, любуясь в никелевый самовар на нижней полке, разрисовался под индейца целиком. Накрасил щеки, а закончив второе ухо, подумал, что если, вдруг, индеец маме не понравится, сам в бане вымоется, даже с мылом, и дело с концом!

А в доме уже слышались звонкие голоса. Старшие братья вернулись из школы. Самое время выскочить. И он выскочил!

– Тили—тили! Трали – вали! – громко пел вылетевший на середину индеец. Ожидая хохота и восторга, размахивал зелеными руками, прихлопывал оранжевые коленки. Но восторга не последовало.

Ахнул только Юрка, и то, как—то невесело ахнул... Со всем не так следует встречать краснокожих!

Филипп остановил индейский танец. Если тебе не рады, чего зря стараться? Хотел присесть на стул, но тут братья

ВЗВЫЛИ:

– Стой! Стой, где стоишь! Мама тебя видела?

Индеец отвечал словами самого Карлсона:

– Пустяки! Дело житейское! Вымоюсь в бане, если что...

– Филипп! – Володя почему – то заговорил шепотом.

– Какая баня? Краски масляные!

Тебя будут отмачивать в керосиновой бочке!

Мальчишка почуял недоброе: бочка Гвидона просто ерунда в сравнении с той, куда братья собирались засунуть его, Филиппа!

– Хорошо еще, что папа не приехал! – добавил Юрка, округлив глаза.

– Да нет, он еще успеет! – уверенно отвечал Володя.

Радость разом сгинула. Своя прежняя неприметная кожа в одну минуту показалась во сто раз лучше расписной индейской!

А из верхней половины дома спускалась мама.

– Матерь божья! – воскликнула она, увидев младшего сына.

– Пустяки! – повторил Филипп, уже не так уверенно. – Дело житейское!

– Какие там пустяки? Труба твое дело! – Юрка стоял повелителем, скрестив руки на груди.

– Ой, что тебе будет.....!

Придумывать наказания старшие братья были великие охотники. Каждый старался преуспеть. Так как мать, при-

сев на лестничную ступеньку, почему-то молчала, дело у них пошло как по маслу.

– Будет сидеть в бане! – уверенно продолжил Володя. – Даже не знаю, сколько ему придется сидеть? Может быть, целую ночь?

Сидеть в бане, как в темных застенках, старшие братья отправлялись на час – другой за большие грехи. Филиппа в баню еще никто не сажал, только в коридор, соединявший дом, кладовку и баню под общей крышей.

Обычно он колотил в дверь, требовал свободы. Выл громко, чтобы всем слышно. Но потом вой становился тише, тише и плавно переходил в любимую песню. «Сяду я верхом на коня! – пел узник. «Ты неси по полю меня...!» Это означало, что мальчишка отыскал себе подходящее занятие. Везде люди живут!

В предбаннике же, у самой батареи, за гладильной доской, стоял раскрученный и брошенный братом Юркой, электрический утюг. Крути дальше, сколько захочешь! И брызгалка – штука хорошая!

Но что ждало его теперь?

Чувствуя опасность для брата, никем до сих пор не замеченная, верная Юнка, вихрем слетев со ступенек, встала рядом: – Я с тобой пойду! В баню! С тобой!

Мать, уже чему – то улыбаясь, велела старшему сыну принести фотоаппарат: – Встань к окну! – сказала она Филиппу и щелкнула раз, другой, третий... Судьба мгновенно по-

вернулась счастливым боком. Раз мама не сердится, старшие братья тут же развеселились: они – не зануды! Индеец—то был – будь здоров! И они хохотали, повторяя:

– Пустяки! Дело житейское!

– Мам, – вернулся к делу Юрка, – а может его и не надо отмачивать, а?

Пусть засохнет хорошенько, а потом сам и облупится! Может он за недельку уже и облупится?

Теперь великодушие распирало старших. Но Филипп, услышав новость, похолодел:

– Как это « за недельку»? – повернулся он к матери. По щекам индейца потекли разноцветные слезы.

– Не плачь! – сказала мама. – Сейчас вымою! Это краски гуашевые, не масляные!

И она увела Филиппа в баню: долго терла мочалкой с мылом, поливала из душа. Филипп терпел и даже радовался: куда лучше керосиновой бочки!

Через полчаса, опять белокожий, мальчишка носился по всему двору. Сам себе отдавая команды, гнался за безмозглым петухом. Перепутав прошлую игру с теперешней, которую только что начал Филипп, за ним спешила сестра Юнка. – Ваше Величество! – звала брата Юнка. Она забыла, что вчера, поссорившись с непослушной подданной, король – Филипп, не колеблясь, отрекся от престола, и сегодня за петухом во дворе гнался совсем не король, а простой Карлсон.

Дела стоящие и суета на побегушках Рассказ

Когда на улице капает, капает, да ещё лёд под каждой лужей, в такую погоду гулять не так уж и весело. А если у тебя к тому же перевязано тёплым платком горло, то выпроситься во двор нечего и пытаться.

Решив это про себя, Филипп сел к телевизору. Собирались посмотреть что—то толковое, пока мама не спохватилась выключить. И что же? Ученые люди с экрана объявили: всех на Земле посчитали перед самой ёлкой. Насчитали семь миллиардов, 137 миллионов, пятьсот семьдесят семь тысяч и еще семьсот пятьдесят людей. Но, чтобы совсем—совсем точно, так не посчитали! Посчитали с ошибкой! Кого—то на Земле забыли! Забыли!

Может человек такому делу радоваться? Не может! И Филипп бросил пульт. В комнате стало совсем тихо.

В углу большого дивана, без единого звука, сидела сестра Юнка и, не отрываясь, гляделась в мамино зеркальце. Все было просто: со вчерашнего дня в её уши воткнули жемчужные сережки. Радость такой перемены подействовала оглушительно. Второй день никто в доме Юнку не слышал, а с тех пор, как нашлось мамино зеркальце, она и вовсе стала про-

падать из виду. Пряталась в укромных местах и замирала перед зеркальцем.

Филипп подошел, влез с ногами на диван.

Нужно сказать, что его сестра, Юнка, арифметику считала великим делом. Она обожала шестилетнего брата и искренне верила в его несравненную ученость. Ей самой дело это подавалось плохо. Но Юнка не унывала. Скандальные истории, когда к десяти положенным пальцам неожиданно объявлялись один—два лишних, умная голова улаживала с ходу:

– Слава Богу, все! Все на месте! — кивала она, точно, как это делала бабушка, и тут же уносилась – поминай, как звали!

Филипп придвинулся поближе, чтобы начать дельный разговор.

– На земле семь миллиардов, 137 миллионов, 577 тысяч и еще 750 людей!

– сказал он.

– Но это приблизительно. Точно никто не знает!

– Даже ты? – удивилась Юнка.

Филипп скромно потупился: – Никто!

Продолжать было без толку: сестра опять уставилась в зеркальце, и он снова включил телевизор.

Лысый человек на экране часто повторял красивое слово «кризис». Не все было ясно, но догадаться можно: и этот банкир, и все его приятели стали бедными! «Кризис» обокрал всех под чистую!

Чтобы уж совсем прямо – так лысый денег не просил: стеснялся!

Но решился объявить своё горе по телевизору, чтобы добрые люди пожалели да помогли, кто чем может.

Догадку эту Филиппу подсказал случай.

Два дня назад по пути в город в утреннюю электричку, которая возила их с бабушкой мучиться к городскому стоматологу, вошел мальчишка—цыган со старшей сестрой, стал в проходе, огляделся веселыми блестящими глазами по сторонам и затараторил громко, как стихи: – Люди добрии! Мама, папа умерли! Мы с Дону приехали, вертаться збираемси... ПоможИте, люди добрии, хто скільки можить!

Сестра его растянула гармошку, висевшую на плечах, а мальчишка запел звонким бравым голосом: « Хде Вы таперь? Хто Вам цилуить пальцы? Куды убёг Ваш китайчонок Ли?...»

Всё, что было в песне: и беглый китайчонок, и красивый лиловый негр, и старинная машина, которая носилась по чужеземным улицам—закоулкам лучше всякой новой иномарки, всё это заворожило Филиппа. Очнулся он, когда бабушка совала крупную жёлтую монетку певцу в кепку.

– Бабушка, ещё дай! У них все умерли! – заволновался Филипп, близко оглядывая певца и гармошку.

– Живы все, слава Богу! – отвечала бабушка. И, сердито отвернувшись к окну, продолжила в полголоса, но так, чтобы слышала соседка, сидевшая напротив: – Стыд какой! Куда

только власть смотрит?

Соседка напротив сразу обрадовалась и согласно закивала. Она тоже считала, что на цыганятах власть промахнулась, а всё потому, что смотрела не туда, куда хотелось и бабушке, и соседке, а в какую—то совсем другую сторону.

Лысый в телевизоре на гармошке не играл, песни не спел, но, кроме добрых людей, на кого ему было надеяться?

Несметная армия добрых людей, к которой Филипп, само – собой, причислял себя, помогает всем, кому не повезёт. Если не повезёт... Если совсем—совсем не повезёт...

Тут его мысли бросили банкира и дружно перепрыгнули к брату Юрке. Был у братца такой невезучий случай! На осенних каникулах Юрка размножил на отцовском принтере скандинавские кроссворды и мечтал «загнать» их в электричке, чтобы «карманные» деньги потекли к нему рекой... План свой брат держал в секрете. А секрет – раз, и открылся

Случилось это в тот день, когда Филипп с бабушкой возвращались с обновками из города. Поезд «Ириновского направления» до станции «Ладожское озеро» уже собрался отправиться, когда в двери их вагона влетел Юрка. Успел! Стоя в проходе у самой двери, стряхнул дождевики с куртки, выдернул проводки из ушей, выхватил из рюкзака пачку печатных листков, уверенно вскинул руку и начал :

– Скандинавские кроссворды! 12 листов за шесть рублей!

Узнав своего внука, махавшего листками в другом конце вагона, бабушка изумлённо ахнула:

– Матерь Божья!

Она мигом отвернулась к окну и притянула к себе Филиппа:

– Филипп, люди кругом! Молчи, ради Бога! Молчи, не высовывайся! Очень тебя прошу!

Губы её шептали прямо в ухо. Филипп насторожился. Он не понимал: с чего тут волноваться и почему молчать? Недовольно высвободился, отстранился, но послушаться не посмел. Сидел, молчал и упорно следил за братом.

В вагоне тихо, на звонкий призыв никто не откликается. Но Юрка не хотел этому верить.

– Так, слушаем внимательно! – продолжал он властно, как воспитательница.

– Скандинавские кроссворды! Шесть рублей за 12 листов. Считать умеете? Шесть рублей за 12 листов!

Вагон безмолвствовал.

Терпение кончилось, Филипп не выдержал и вскинулся: он хотел всех образумить. Один листок скандинавских кроссвордов всего пятьдесят копеек! Он – то считать умеет...

Но образумить не получилось.

– Выходим, выходим! Бабушка тут же ухватила его за руку и потащила за собой к ближнему выходу. Народу было столько, что они запутались, вышли не на своей остановке,

а гораздо раньше. Состав дернулся, двери закрылись, электричка с Юркой и скандинавскими кроссвордами покатила вперед, а они остались на чужой платформе.

Откормленные пассажирами голуби лениво топтались малиновыми лапками в мелких лужах, выбирая рассыпанные зёрна и крошки, а бедные голодные воробьи сновали между сытыми собратями, подбирая остатки.

– Давай присядем! Следующая не скоро... Бабушка села на вымокшую скамейку.

Сбивчиво и уже не так решительно, как в вагоне, она принялась объяснять, что никому в семье знать про Юркины кроссворды не следует. А потому, пусть Филипп всё это поскорее забудет.

– Как это я забуду? Я ничего не забываю! Это ты всё забываешь, а я н—е—е—т...!

– Ну, не то, чтобы забыть... Просто не говори, ни отцу, ни маме... Если отец про Юркины торги узнает, скандал будет до небес! Прошлый раз, когда сам в дневнике расписался, сколько он в бане сидел, помнишь? А что ему теперь светит, даже представить страшно! Ты большой мальчик, должен понять: мало ему не покажется! А промолчишь, я с ним сама разберусь! Всё, Бог даст, и уладится...

– Да ладно, бабушка! Не переживай! Если ты так боишься, я никому не скажу! Хотя что тут такого? За что его?

– Как за что? Знакомых полно! Люди скажут: смотри, кого вырастили! Легких денег хочет! Разве это дело— кросс-

вордами торговать? Нет, совсем не дело, так, чепуха на побегушках!

Скандинавские кроссворды в электричках «Ириновского направления», по которым полдня мотался промокший и озябший братец, никто не купил, и «лёгкие деньги» в Юркин карман не потекли.

– Слабоумное «Ириновское направление»! Точка! – доверительно объяснял Юрка Филиппу.

– Считать не умеют! Двенадцать кроссвордов за шесть рублей – и никто? Все слабоумные, всё направление!

Тем дело тогда и кончилось.

Мысли Филиппа опять запрыгали, заскакали. Но он быстро навел порядок: вспомнил, что забыл, и нищий безработный банкир благополучно вылез наперёд. От Филиппа он ждал дела наверняка, а не какой—то «чепухи на побегушках»!

Вот если сапожником? Это уж точно дело стоящее! Со всем недавно Филипп примерял его для себя.

Случилось это, когда дед приехал из деревни и пару дней согласился погостить. Деревенскому человеку в городе скучно. Чтобы развеселиться, дед взялся навести порядок на чердаке. Филиппа выбрал в помощники. В куче добра, которая спустилась тогда вместе с ними по чердачной лестнице, оказались старые, но очень тёплые ботинки. Их— то они и понесли в починку.

Маленькая сапожная будочка примостилась у почты. Внутри было тесно и тепло. Пахло чем – то незнакомым, но очень приятным для понимающего носа. Могучий старик—сапожник, лохматый, с серой гривой, поднял густые брови и взглянул синими веселыми глазами. Колесо, которое крутилось рядом и сыпало искрами, очень приглянулось Филиппу. А лохматого старика, получив назад ботинки, дед крепко похвалил: – Мастер! Еще столько проходят! – и постучал по новеньким подошвам. Филиппу тогда захотелось, чтобы и про него дед сказал также хорошо и просто: мастер! А как было бы весело самому крутить «точилку», то самое каменное колесо, из которого искры сыплются!

Однако точно и окончательно дела себе Филипп пока не выбрал, кем быть толком не решил. Может будет сочинять мультики и всякое такое... А может пойдёт в сапожники или станет солдатом —пехотинцем. Пехотинец— самый главный солдат. Пока он по земле не прошёл, никто победу не признает. А как прошёл— всё, победа! Ещё он хорошо считает. Это тоже дело хорошее! Но мультики – всё же веселее... Особенно про котят...

Сочинить такой мультик он уже пробовал. У деда в деревне был подходящий котенок. Котёнок Яшка. Игрун! Прыгал он высоко и сразу на четырех лапах. – Как козленок! – хохотал дед.

Порядок в доме Яшка соблюдал, как положено. Мать его, соседская кошка, воспитание сыну дала отличное. Яшка был

аккуратным котенком: в доме ни разу мимо коробки с песком не промахнулся! Посидит в коробке, лапами загребет — порядок! Хорошо лапами старался: песок летел во все стороны! Но разве можно к таким пустякам придирааться? Умылся Яшка несколько раз в день! Все, как хорошим котяткам положено! Песни пел громко, чтобы всем было слышно.

После лета отвозил дед Филиппа домой. Котёнок Яшка сидел на коленках. Рыжая голова торчала из мешочка со шнурком, спина выгнулась дугой. Коготки царапались через холстинку. Но Филипп терпел. Потом Яшка обвык, успокоился.

А Филипп сидел—сидел и стал придумывать мультик. Ему хотелось, чтобы было это и про котенка Яшку и про деревенскую корову, которая приходила к ним во двор жевать яблоки и даже трясла их, дергала яблони за ветки. Корова эта поила молоком всю детвору, наезжавшую в деревню.

Она бродила по всем брошенным дворам, а к деду являлась по лесной тропинке с той стороны, где забор повалился, рассыпался и сгнил. Строить новый дед никак не мог собраться, а Филипп думал, что если загородить, корова может обидеться. Четыре мешка яблок увез прошлой осенью лесник с их двора каким— то глупым козам в подарок! А корова что? Не заслужила? Где благодарность?

Битый час тогда, на пути к дому, Филипп пытался собрать в кучу Яшку, корову, забор, яблоки... Но мультик не сочинялся. Складным получилось только начало, когда во двор

приходит пятнистая корова, а на пороге Яшка сидит. Корова его спрашивает:

– Где хозяин?

– Я хозяин! – Яшка отвечает.

– Ты по какому делу? За яблоками?

В этом самом месте всё встало. Ведь если за яблоками, тогда бери да уходи. Какой же это мультик? А если не за яблоками, тогда зачем пришла...? Придумать «зачем?» никак не получалось.

– Филипп, смотри, как я Яшку рисую!

Филипп мигом переметнулся из дедовой деревни на домашний диван.

Юнка уже сползла с него к столику, и, положив драгоценное зеркальце рядом, красила желто—оранжевыми полосками брюхо новому котёнку.

Что—что, а рисовать котят она умела. Это правда. Сначала выводила овал похожий на куриное яйцо. Потом в середине ставила букву «х» и ножки этой буквы тянула в разные стороны, пока не получались кошачьи усы, а в середине оставался «нос —уголок». Над усами— два кружочка, поделённые вдоль палочками—кошачьи глаза. Дальше – дело за малым: хвост— длинный и тощий вопросительный знак, лапы— петельки, ушки— уголки или «птички вверх ногами», когти—палочки... И готово!

Сейчас у сестры под оранжевым карандашом новенький котёнок на глазах становился Яшкой.

– А я как раз про него думал! Филипп придвинулся, навис над шелковым бантом на Юнкиной макушке.

– Ты про него что думал?

– Я думал, как мультик сочинить...

– Ты про Яшку хотел?

– Угу!

– Про одного скучно! Давай много котят нарисуем. Пусть они в кошачью школу ходят.

– Ох ты! Точно! Здорово! Я так и хотел, чтобы весело, только придумать не мог! А ты – раз и сразу! И Яшка у тебя похож! Даже очень...

Филипп уже выбирал карандаши, чтобы красить новых котят. Настроение его прыгнуло вверх, а безработный банкир отступил на задворки. Даже пришла мысль, что помогать ему всё равно без толку: он же в телевизоре!

Вот котята – другое дело, совсем другое!

– Главное – нарисовать! Дальше оно само пойдёт! – Филипп вслух ободрял себя Юркиной поговоркой.

– Что само пойдёт? – Юнка уставилась на брата.

– Ну, дело... Мультик, например!

– А мама говорит, что дело само не ходит. Чтобы пошло, надо взять и делать.!

– Да ясно, что делать..! Я не о том... Я про то, когда не выходит. Не выходит и всё тут!

Юнка тарасилась в глаза брату:

Я всегда выбираю, чтобы хорошо ходило А если не хо-

чет, тогда снова делаю, ещё снова, ещё снова...И – раз! Само сделалось!

– Не городи ерунду! Только что сказала: чтобы само—не бывает!

А теперь наоборот, всё наоборот городишь!

– Ничего не наоборот! Это ты своё наоборот городишь! Я сейчас маму спрошу, она лучше тебя знает!

И сорвавшись с места, Юнка схватила листочек с Яшкой и помчалась по лестнице на верх, в большую спальню, где мать строчила на машинке, перешивала поношенные простыни и наволочки. Филипп погнался следом. Захлёбываясь, перебивая друг—друга, они толковали матери свой спор. Наконец, Филипп пересилил, и мать, успокоив сыновьи руки в своих ладонях, отвечала ему:

– Девочкой я читала одну чудесную книжку. Там сын пекаря, Люк, и отец его пекли чудесный хлеб и кормили им не только свою английскую деревню, но и всю округу. Люк помогал отцу в пекарне и потом развозил свежеиспеченный хлеб в фургоне. Совсем не лёгкое дело для мальчика. Но оба они, и отец, и сын, трудились на совесть: для многих бедняков в округе хлеб был главной едой. Отец Люка был строг: хлеб должен быть отличным! И Люк на том же стоял. Трудиться и трудно – слова похожие. Чтобы мастером стать, труда нужно много. Кто осилит, тот и мастер. Ленивый, кому всё скучно и даром подавай, мастером не вырасти. А знать, что ты мастер – большое утешение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.